Кто стрелял в Ленина

В издательстве «Московский рабочий» выходит в свет книга Н. Д. Костина «Суд над террором». Она посвящена одному из самых драматических моментов нашей революции — покушению на Владимира Ильича Ленина эсерки Ф. Каплан 30 августа 1918 года. Автор — кандидат исторических наук, доцент Московского института стали и сплавов — собрал и обобщил огромный архивный материал, воссоздал противоречивую атмосферу 1917—1922 годов, ввел в научный оборот документы судебного процесса по делу правых эсеров (1922 г.), которые придали книге большую достоверность. Эта историческая хроника документально свидетельствует: кто стоял за спиной Каплан.



В. И. Ленин во дворе Кремля на прогулке по выздоровлении после ранения.

Заходящее солнце золотило кресты замоскворецких церквей. Тускло отсвечивали запыленные стекла цехов завода Михельсона. Только что закончился митинг. В. И. Ленин, попрощавшись с рабочими, направился к автомобилю. И тотчас нагретый воздух разорвало эхо выстрелов...

Все произошло в какие-то считанные минуты. Рабочие, окружавшие Владимира Ильича, на миг оцепенели. Не потерял самообладание только Ленин. Падая, он воскликнул:

— Товарищи, спокойствие!.. Держитесь организованно...

КТО ПОКУШАЛСЯ на жизнь В. И. Ленина? Одни говорили, что озлобленная и фанатичная эсерка Фанни Каплан стреляла по собственному разумению. На свой страх и риск. Покушение — сугубо личная инициатива одиночки, ответ на Октябрьский переворот и разгон большевиками Учредительного собрания. Другие прямо указывали, что за преступлением «одиночки» скрывается одна из наиболее влиятельных партий — партия социалистов-революционеров.

Свой выход на историческую арену социалисты-революционеры ознаменовали громкими террористическими актами. С 1902 по 1911 год более двухсот раз рвались в России эсеровские бомбы и раздавались револьверные выстрелы. Политические итоги эсеровского террора оказались равны нулю. Сериалы террористических ударов по самодержавию не помешали ни наступлению реакции, ни прекращению карательных экспедиций в деревне, ни смягчению репрессий против прогрессивных сил страны.

Гибельный путь, на который вступила партия эсеров после Октября 1917 года, начался под знаменем Учредительного собрания. Особую нервозную активность проявлял член ЦК ПСР А. Р. Гоц. Ему казалось, что большевики сидели на трехногом стуле и их легко можно опрокинуть. И ЦК ПСР ждал, пока для этого созреют определенные условия. Но они не созревали. Эсеры не могли больше ждать и начали борьбу. Пустили в ход шантаж, грабежи, спекуляцию, саботаж и террор. Приняли участие в заговорах, мятежах и кулацких восстаниях против Советской власти.

15 января 1922 года бывшая эсерка, боевик Л. В. Коноплева написала заявление в ЦК РКП(б) и дала показания ВЧК о подрывной и террористической деятельности ЦК партии социалистов-революционеров. Неопровержимыми документами и свидетельствами подтвердила, что вожди эсеров в союзе с капиталистическими правительствами Запада сознательно развязали в России гражданскую войну, обрекли трудящихся на голод и холод, разруху и нищету. Она утверждала, что члены ЦК ПСР А. Р. Гоц и Е. М. Тимофеев, В. Н. Рихтер и Л. Я. Герштейн, Д. Д. Донской и М. А. Веденяпин непосредственно руководили покушениями на В. Володарского, М. С. Урицкого, Л. Д.

Первую группу подсудимых — членов ЦК ПСР — защищали на процессе представители двух реформистских Интернационалов Э. Вандервельде, Т. Либкнехт, К. Розенфельд и небезызвестные дореволюционные адвокаты Н. В. Муравьев и А. С. Тагер, а также правозаступники Жданов, Патушинский, Карякин и другие.

Защиту второй группы эсеров, отошедших от партии, вели: А. А. Биценко, Н. И. Бухарин, С. Б. Членов, Р. П. Катанян, П. Шубин, представители Коминтерна: Ф. Я. Кон, Ж. Садуль, А. Грамши и другие.

Обвиняли подсудимых Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, видные работники Коминтерна, в том числе Муна, Д. Боканьи и К. Цеткин.

Гоц выработал на суде особую линию поведения. Говорил редко и скупо, лишь в тех случаях, когда надо было спасать «чистые ризы» эсеров. Спрашивали — отвечал. Тщательно обдумывал каждое слово. Ревтрибунал — не исповедь, и каждый «лишний» факт дополнительным грузом ложился на весы Фемиды. Больше отмалчивался. Говорил полуправду, намекал на тождественность действий ПСР и РКП(б) в революции.

Большие надежды Гоц возлагал на бывшего адвоката Михаила Гендельмана. Тот хорошо знал юриспруденцию, слыл ловким оратором и крючкотвором. В его задачу входило всяче-

ПЯТАКОВ: В газете «Дело народа» за 30 ноября 1917 года было опубликовано письмо А. Р. Гоца Президиуму 4-го съезда ПСР: «...Я верю, что поднявший меч от меча и погибнет и безудержный поток насилия, разливающийся из Смольного, разобьется об организованную волю народных масс, сплотившихся вокруг Учредительного собрания. А если смольные самодержцы посягнут на это завоевание революции, тогда, я уверен, партия социалистов-революционеров вспомнит о своей старой испытанной тактике, вдохновлявшейся лозунгом «По делам вашим воздастся вам». С горячим приветом А. Р. Гоц».

Представитель обвинения Верховного трибунала А. В. Луначарский заявил, что вся деятельность партии социалистов-революционеров, в особенности начиная с Октябрьской революции, и, можно сказать, самое существование этой партии являются сплошным политическим преступлением...

М. Н. Покровский сказал, что названия социалистической партии эсеры не заслуживают. Григорий Семенов был прав, когда говорил, что в октябрьские дни массы были не с Керенским и Гоцем, а с Лениным и Подвойским. В этом слабость эсеров и сила большевиков.

Верховный трибунал страница за страницей изучал историю партии социалистов-революционеров. Начали оживать образы эсеровских террористов.

КОГО убивать первым? Ленина или Троцкого? Мнения разошлись. Донской и Тимофеев предлагали убить Троцкого.

стности и признает акты открыто немедленно или через некоторое время.

Абрам Гоц как-то особенно доверительно сказал Семенову:

— Все будет хорошо. Партия вас ценит, Григорий Иванович... Надеется на вас...

Скрываясь от ВЧК на даче в Удельной, куда один за другим приезжали функционеры ПСР, Гоц чувствовал себя полноправным вождем и, в то же время, не хотел единолично брать на себя ответственность за предстоящие события, а они надвигались неотвратимо...

В Сыромятниках начинало светать. Семенов подошел к окну, закурил. Террористы сидели молча, ждали указаний, Усов, Коноплева, Зубков, Ефимов, Новиков, Королев, Пелевин, Федоров-Козлов, Сергеев, Каплан, Иванова... Семенов хмурился — угрюмые лица товарищей не радовали... Он делал все от него зависящее, чтобы покушение на Ленина совершил рабочий. Гоц и Донской рассчитывали на грандиозный фурор. Нужен был такой рабочий, в котором не было бы ни единой крупинки мелкобуржуазного элемента... Сергеев после убийства Володарского ослаб духом и не был способен повторить террористический акт в Москве. Федоров-Козлов? Но какой из него рабочий, когда за каждым поворотом улицы видит свою деревню. Оставалась одна надежда — Фанни Каплан...

— Прошу извинить,— встряхнулся Семе-

тии к ним. Возможно, по тем или иным практическим соображениям, ЦК замедлит признание актов делом партии, но с тем, чтобы через некоторое время декларировать их открыто.

Вспоминалось обо всем этом Григорию Семенову без радости: голова кругом, Гоцу хорошо в Удельной на даче. Он не видит пытливых, сверлящих и нетерпеливых глаз боевиков.

Семенов обострил вопрос:

— Достаточно ли беседы с тремя членами ЦК для гарантии партийной законности террористических актов?

За всех ответил Козлов:

— Покушавшийся, в случае ареста, обязан заявить, что террористический акт является делом партии. Центральный Комитет обязан немедленно открыто признать своей политической акцией любой террористический удар по Советам, нанесенный боевиками Центрального боевого отряда.

Новиков и Зеленков молчали. Спорили Усов, Зубков и Коноплева. Каплан не проронила ни слова. Только стала еще больше дымить папиросой. Наконец, после долгих прений, боевики решили, что точка зрения Абрама Гоца в основном приемлема. Но, поскольку Гоц не дал никаких официальных обещаний от имени ЦК ПСР, у боевиков должны быть более определенные и более официальные гарантии партийной законности террористических актов на руководителей Советского правительства.

Состоялась еще одна встреча с Гоцем, Семенов подробно проинформировал члена ЦК ПСР о настроении боевиков. Попросил дать официальный ответ: гарантирует ли он от своего имени, что ЦК ПСР не отречется от актов покушения на Ленина, Дзержинского, Урицкого, Свердлова.

— Даю честное слово,— воскликнул Гоц.— Центральный Комитет не заявит о непричастности ... террористов-исполнителей: Фанни Каплан, Лидию Коноплеву и Филиппа Козлова.

— По три пули,— почти прошептал Семенов,— в каждом из ваших револьверов отравлены ядом «кураре». Даже при легком ранении яд должен сработать безотказно.

Из Сыромятников Коноплева поехала на Александровский вокзал, Филипп Козлов подался на Хлебную биржу. Фанни Каплан — в Замоскворечье, на Серпуховскую площадь.

Оставшись один, Семенов долго сидел за столом с закрытыми глазами. Он как бы прокручивал в голове отдельные моменты закончившегося заседания партийного ядра Центрального боевого отряда при ЦК ПСР. Кто знает, что теперь в голове у каждого? Убить Ленина... Страшно подумать, не то что вслух произнести. Кажется, он точно определил день и час покушения. Территориально разделил Москву на четыре условных района. В каждом из них назначил ответственного исполнителя. На любом крупном митинге будет находиться дежурный боевик, который, в случае приезда на митинг Ленина, известит исполнителя. Тот явится на митинг и произведет террористический акт.

Исполнители... Козлов, Коноплева, Каплан. Усова отстранил. Сказать по правде, никому из них по-настоящему Семенов не доверял, даже Коноплевой. Полагал, что Лида чрезмерно прямолинейна, ей недостает гибкости, недостает порою трезвого разумения, тех качеств, которые Григорий Иванович ощущал в себе.

Григорий Семенов с надеждой думал только о Фанни Каплан. Как только он впервые увидел ее на явочной квартире и побеседовал, сразу почувствовал к ней доверие, даже больше того — увидел в ней родственную душу. Без обиняков предложил ей вступить в Центральный боевой отряд. Свел ее с руководителем Московской организации эсеров. С тех пор Каплан пользовалась неизменным покровительством Донского и особым доверием Семенова. Как-то она проявит себя 30 августа на заводе Михельсона?..

Из обвинительного заключения:

Устанавливается: во-первых, связь боевой группы непосредственно с ЦК через Семенова, во-вторых, осведомленность об этом членов ЦК Гоца и Донского, в-третьих, полная уверенность боевиков, что они действуют с санкции ЦК, в-четвертых, формальная гарантия, данная ЦК о том, что он на этот раз не отречется от акта.

Утром 30 августа 1918 года секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский, получив известие об убийстве М. С. Урицкого в Петрограде, немедленно послал В. И. Ленину записку. Предупредил о грозящей ему опасности: просил воздержаться от поездок на митинги.

Записку Загорского передал Ленину телефонист Верхнего Кремлевского коммутатора П. Д. Дмитриев. Владимир Ильич прочитал ее, взглянул на часы и спокойно сказал:

— Позвоните товарищу Гилю в гараж. Поедем на Хлебную биржу.

...За 2—3 часа до начала митинга на Хлебной бирже секретаря Басманного райкома Е. М. Ямпольскую вызвали в МК партии и сообщили, что в связи с тревожным положением В. И. Ленину предложено сегодня не выступать. Понятно, как дороги были трудящимся выступления Владимира Ильича, какой это был праздник для всего района. Но в обстановке того времени Ямпольская все же почувствовала облегчение, что Ленина на митинге не будет...

На Хлебную биржу для выступления на митинге приехало несколько видных работников партии. Первой слово попросила А. М. Коллонтай. Слушателей было достаточно. Большинство — рабочие, работницы и красноармейцы. Ямпольская, убедившись, что все идет хорошо, прошла центральным проходом и остановилась в конце зала у окна. Увидела, что со сцены в проход спрыгнул Емельян Ярос-

развязали в России гражданскую войну, обрекли трудящихся на голод и холод, разруху и нищету. Она утверждала, что члены ЦК ПСР А. Р. Гоц и Е. М. Тимофеев, В. Н. Рихтер и Л. Я. Герштейн, Д. Д. Донской и М. А. Веденяпин непосредственно руководили покушениями на В. Володарского, М. С. Урицкого, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, В. И. Ленина.

Из заявления Л. В. Коноплевой в ЦК РКП(б):

Брестский мир я не приняла. Считала, что революционная Россия не может идти ни на какие договоры с капиталистическими государствами. У меня появилась мысль о необходимости террора против Ленина. Его фигура все больше вырисовывалась на фоне революционных событий. Казалось, что все неудачи эсеров из-за того, что в ЦК ПСР нет такого же Ленина, как в ЦК РКП(б). Только убрав Ленина с политической арены, эсеры могли добиться победы над большевиками. Большевики сильны Лениным. Без Ленина эсеры могли вести борьбу с большевиками на равных...

В феврале 1922 года бывший эсер, руководитель Центрального отряда при ЦК ПСР Г. И. Семенов (Васильев) опубликовал в Берлине сенсационную книгу: «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг». В предисловии к ней он писал, что мысль о необходимости предать гласности одну из темных страниц в деятельности партии социалистов-революционеров за последние годы мучила его уже давно. После тяжелых моральных переживаний он решил все же рассказать об использовании эсерами в борьбе с Советской властью шпионажа, диверсий, экспроприаций, саботажа, индивидуального и массового террора.

27 февраля 1922 года Президиум Государственного политического управления сообщил: «Ввиду того, что имеющиеся в распоряжении ГПУ материалы с несомненностью устанавливают преступление партии с.-р. перед пролетарской революцией, Центральный комитет этой партии и ряд ее активных деятелей предаются суду Верховного революционного трибунала. Государственное политическое управление призывает гражданина Семенова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, но понявших ее преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров».

На скамье подсудимых правые эсеры оказались расколотыми на две непримиримые группы. Первая группа, насчитывавшая 22 человека, заняла на суде явно антисоветскую позицию. Не отказывалась от продолжения борьбы с Советской властью. Пыталась использовать проходившие в обстановке широкой гласности заседания Верховного трибунала для контрреволюционной пропаганды и клеветы на партию большевиков и ее руководителей. Ядро этой группы составляли члены ЦК ПСР А. Р. Гоц, Д. Д. Донской, Е. М. Тимофеев, М. А. Веденяпин, Д. Ф. Раков, А. М. Лихач, М. Я. Гендельман-Грабовский, Л. Я. Герштейн, Е. М. Ратнер-Элькинд, Ф. Ф. Федорович, кандидат в члены ЦК ПСР Н. Н. Иванов и другие руководители эсеровских организаций.

Вторую группу подсудимых составляли лица, которые осознали свою вину и стремились правдивыми показаниями облегчить расследование преступлений правых эсеров. В эту группу входили в основном бывшие эсеровские боевики Г. И. Семенов (Васильев), Л. В. Коноплева, Ф. Ф. Федоров-Козлов, П. Т. Ефимов, И. С. Дашевский, К. А. Усов, П. Н. Пелевин, Ф. Н. Ставская, Ф. В. Зубков, а также бывший член Московского бюро ЦК ПСР Г. М. Ратнер и бывший член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев. Кроме того, на скамье подсудимых незримо присутствовали эсер-боевик Н. Сергеев, убивший В. Володарского в Петрограде 20 июня, и эсерка Ф. Каплан, совершившая злодейское покушение на В. И. Ленина в Москве 30 августа 1918 года.

Председателем Верховного революционного трибунала был Г. Л. Пятаков, членами: О. Я. Карклин, и А. В. Галкин. Запасными членами в состав присутствия входили Н. М. Немцов и Ф. И. Озол.

Больше отмалчивался. Говорил полуправду, намекал на тождественность действий ПСР и РКП(б) в революции.

Большие надежды Гоц возлагал на бывшего адвоката Михаила Гендельмана. Тот хорошо знал юриспруденцию, слыл ловким оратором и крючкотвором. В его задачу входило всячески доказывать неправомочность суда над эсерами, особенно над членами ЦК ПСР. С политиками можно только полемизировать, но отнюдь не сажать их за решетку.

По заранее тщательно разработанному сценарию Гендельману вменялось всячески тормозить и затягивать процесс.

Гоц острее других членов ЦК ПСР сознавал, что вторая группа обвиняемых ставила первую в тяжелое положение. Если боевики заговорят, то всему миру станет известна тайна из тайн эсеровского ЦК — индивидуальный и массовый террор против членов Советского правительства и руководителей большевистской партии. Всплывут события 1918 года: убийство Володарского и Урицкого, неоднократные покушения на Ленина...

После девяти заседаний Верховный трибунал рассмотрел первый период послеоктябрьской деятельности партии социалистов-революционеров, начиная от вооруженного юнкерского восстания в октябре 1917 года и кончая отъездом членов ЦК ПСР летом 1918 года в Самару, Мурманск, Архангельск, Казань. Уфу, Омск и другие крупные города, где эсеры надеялись свергнуть Советскую власть.

Из обвинительного заключения:

Надлежит считать установленными:

Партия с.-р. явилась в лице членов ее ЦК инициатором гражданской войны в дни Всероссийского съезда Советов и Октябрьской революции...

Будучи разбитой в этой борьбе и потерпевши поражение в открытом вооруженном столкновении, партия с.-р., приняв на конференции в феврале 1919 года постановление об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью и в обмен на явное нарушение принятого постановления, подготовляла и организовывала повсеместно на территории Советской России ряд мятежей и восстаний и оказывала им всяческое содействие в целях свержения Советской власти и восстановления буржуазной собственности...

Тщетными оказались попытки эсеров и их адвокатов с Запада скрыть антинародную направленность эсеровской политики, тайную войну эсеров против Советского государства. Не случайно адвокаты эсеров из II и II 1/2 Интернационалов покинули процесс, не дожидаясь его окончания. Свой уход Э. Вандервельде, Т. Либкнехт и К. Розенфельд мотивировали тем, что Верховный трибунал якобы не разрешил им вести свою стенограмму процесса. В действительности такое разрешение было дано.

После ухода представителей реформистских Интернационалов процесс покинули и русские буржуазные адвокаты обвиняемых первой группы — Тагер, Муравьев и другие. Они объявили о своем уходе после решения трибунала допустить на заседание представителей трудящихся Москвы и Петрограда. Это нарушило, по их словам, «нормальный ход процесса». Однако истинная причина ухода адвокатов эсеровских руководителей заключалась в другом. Каждый день пребывания на суде приносил защитникам эсеров все новые и новые политические удары. Суд над эсерами мировая прогрессивная общественность постепенно начала рассматривать как суд над одним из отрядов не только русской, но и международной контрреволюции.

14 июля 1922 года на утреннем заседании Председатель Верховного революционного трибунала Г. Л. Пятаков объявил о начале исследования террористической деятельности партии социалистов-революционеров.

Из стенограммы заседания Верховного революционного трибунала ВЦИК:

ПЯТАКОВ: Сейчас мы приступаем к исследованию террористической деятельности ПСР.

КРЫЛЕНКО: Вопрос о терроре ставился в кругах ПСР вслед за свершением Октябрьской революции. Впервые о нем заговорила Евгения Ратнер на IV съезде партии. Свое отношение к террору она сформулировала так: «Партия в целях самообороны вынуждена: ...перейти к террору».

изучал историю партии социалистов-революционеров. Начали оживать образы эсеровских террористов.

КОГО убивать первым? Ленина или Троцкого? Мнения разошлись. Донской и Тимофеев предлагали убить Троцкого. Гоц — Ленина. Этот спор Дмитрия Донского и Евгения Тимофеева с Абрамом Гоцем хорошо запечатлелся в памяти Григория Семенова.

С убийственной иронией Абрам Гоц разглагольствовал о том, что Троцкий никогда не верил в социальную революцию рабочих и крестьян. Он — позер и охотно бы умер, сражаясь за Россию, при условии, однако, чтобы при его смерти присутствовала достаточно большая аудитория. С запальчивой убежденностью Гоц заявил:

— Диктатура пролетариата с Троцким для эсеров лучше, чем без него. Надо прежде всего убить Ленина и обезглавить Советскую власть.

Семенов возразил Гоцу.

— Политическая обстановка,— сказал он,— не созрела для подобных террористических актов. Покушение на Ленина надо производить при начинающемся развале Советов. Развала же пока не наблюдается. Большевики, особенно Ленин, пользуются огромной популярностью среди народных масс. Покушение необходимо отсрочить.

Гоц яростно обрушился на Семенова. Доказывал, что для террора политический момент созрел...

— Поймите, Семенов,— захлебывался Гоц,— сейчас август 1918 года. Что это значит? На Волге и на Урале — эсеры, меньшевики и Антанта. В Приуралье успешно действуют Иванов и Герштейн. В районе Ижевского и Воткинского заводов прочно обосновался Тетеркин. Но — и это уже подтверждено жизнью — нашей гордостью является Среднее Поволжье. Здесь сосредоточены лучшие наши кадры: Климушкин, Брушвит, Фортунатов, Вольский, Нестеров, Маслов, Алмазов, Филипповский, Раков, Веденяпин, Абрамов, Лазарев. В меру сил им помогают испытанные бойцы народовластия Касимов, Жигалко, Подиков. В Поволжье у нас своя армия, свое государство, свое правительство, свои законы и порядки.

— Что верно, то верно,— согласился Семенов.— А как обстоят наши дела в Сибири, на Украине и других областях России?

— Лучше и желать нельзя! — воскликнул Гоц.— В Сибири — эсеры, кадеты и Антанта. На Украине — генерал Скоропадский, кадеты и Германия. На Кубани — генерал Алексеев, эсеры и Антанта. В Закавказье — эсеры, кадеты и Антанта. В Архангельске — эсеры, меньшевики и Антанта.

Такого момента партия эсеров давно ждала. 30 августа в Петрограде будет убит Урицкий, и мы там станем хозяевами положения. В этот же день надо обязательно убить Ленина, и в наших руках может оказаться Москва и все окружающие ее города.

По техническим причинам Ленина убить гораздо проще, чем Троцкого. Маршруты его поездок известны. Троцкий же редко бывает на заводах. Ездит с охраной на броневике.

Смерть Ленина активизирует работу всех демократических и народных партий против большевизма в России. Они пойдут за социалистами-революционерами...

Семенов спросил членов ЦК, возьмет ли партия на себя ответственность за убийство Ленина? Признает ли она террористический удар политической акцией? Если партия и ее Центральный Комитет намерены отказаться от признания акта покушения на Ленина, как это было после убийства Володарского, то боевики вряд ли согласятся продолжать боевую работу в Москве.

Гоц ответил:

— Ввиду большой политической важности готовящихся актов на Ленина, Урицкого, Дзержинского и Свердлова ЦК ПСР, во всяком случае, не заявит о непричастности пар-

хом и не был способен повторить террористический акт в Москве. Федоров-Козлов? Но какой из него рабочий, когда за каждым поворотом улицы видит свою деревню. Оставалась одна надежда — Фанни Каплан...

— Прошу извинить,— встряхнулся Семенов. — Питер вспомнился.

Коноплева посмотрела на Семенова. Что-то он сегодня не в своей тарелке. Глаза невеселые. Думает о чем-то, когда все яснее ясного: надо лишить большевиков Ленина и спасти тем самым Россию от немецких оккупантов. Избавить ее от позора Брестского мира. Вернуть народу Учредительное собрание, а социалистам-революционерам — былое влияние и власть.

— Друзья! — начал Семенов.— Мы, боевики,— исполнители воли нашей партии. Мы постоянно находимся на передовой линии фронта. Постоянно ведем бой с узурпаторами власти — большевиками. Член ЦК Абрам Рафаилович Гоц заверил, что на этот раз от нас не откажутся: партия признает террористический акт на Ленина. Гарантия — честное слово Гоца!

Террористы обрадованно загудели, а Семенов продолжал:

— В пятницу 30 августа 1918 года Ленин будет выступать на митингах. Чтобы на этот раз не сорвалось, я раскинул сеть пошире. Помните! Меткими выстрелами мы изменим ход исторических событий в России. Вернем их на путь народовластия.

Коноплева улыбнулась. Руководителем-единомышленником, боевиком без страха и сомнения Семенов ей нравился больше.

Семенов подробно проинструктировал террористов, потребовал железной дисциплины.

— Боевику Усову,— сказал в заключение Семенов,— проявившему малодушие, на заводах делать нечего.

Усов побледнел, молча положил на стол револьвер.

— Оружие оставь,— рявкнул Семенов. — Пойдешь дежурить в Петровский парк.

Разослав дежурных боевиков-разведчиков, Семенов оставил на явочной квартире только

ПУТЕВКА

НА СНИМКАХ: вверху — путевка В. И. Ленина для выступления на заводе Михельсона; внизу — браунинг, из которого В. И. Ленин был ранен 30 августа 1918 года.



лонтай. Слушателей было достаточно. Большинство — рабочие, работницы и красноармейцы. Ямпольская, убедившись, что все идет хорошо, прошла центральным проходом и остановилась в конце зала у окна. Увидела, что со сцены в проход спрыгнул Емельян Ярославский и быстро пошел кому-то навстречу.

Раздались бурные, восторженные аплодисменты. Подошедший к трибуне Владимир Ильич несколько раз пытался успокоить собравшихся, но овации еще более усиливались. Террорист Федоров-Козлов, захваченный волной энтузиазма, вместе с рабочими неистово кричал «Ура!» Потом вдруг опомнился и затих... Напряженно ловил каждое слово Ленина о рабочих, о их роли в революции, об их исторической ответственности за судьбы социализма в России.

В толпе, окружавшей Ленина, Ямпольская заметила спешно пробирающегося к выходу члена райкома Федора Шабловского, которому было поручено охранять Владимира Ильича на митинге и проводить затем до Замоскворечья. Но Владимир Ильич вежливо отказался от его услуг. Федоров-Козлов слышал, как Ленин сказал:

— Не беспокойтесь, мы с шофером знаем дорогу. Спасибо, сопровождать меня не надо.

Федоров-Козлов пришел на Хлебную биржу убить Ленина. Не убил. Не решился. Шаг можно было сделать, но поправить нельзя. И он не решился. Подавленным вышел на улицу. Подошедшему к нему Зубкову сказал:

— Не мог. Рука не поднялась.

— Правильно сделал,— ответил Зубков. — Никто из рабочих не будет стрелять в Ленина. Я выхожу из партии эсеров...

— Куда поехал Ленин с Хлебной биржи?

— На завод Михельсона.

— На завод Михельсона? Туда же назначена исполнительницей Фанни Каплан,— встрепенулся Зубков. — Дежурным боевиком у нее сегодня Василий Новиков. Они убьют!.. Я — в Замоскворечье. Может, еще успею помешать...

Из стенограммы заседания Верховного революционного трибунала:

БИЦЕНКО: Федоров-Козлов и Зубков — рабочие-боевики. Оба — бывшие члены партии эсеров... Но была ли у Федорова-Козлова и Зубкова самая простая, твердая, спокойная уверенность в том, что они творят святое дело? Был ли тот обязательный для сознательного боевика порыв, с которым он бросается в «бой кровавый, святой и правый». Нет, не было. Зубков рассказал, как он делился своими сомнениями с Каплан, как относился к тому, что Усов, а затем Федоров-Козлов не стреляли в товарища Ленина. Он объяснил это тем, что в глубине души рабочие сознавали, что нельзя поднимать руку на социалиста.

ЗУБКОВ: Обстановка, в которую мы попали в боевой организации, была такова, когда говорят: вот вам санкция ЦК и честное слово Гоца на разрешение покушения на Ленина. Но когда убьете, то не называйте себя членами партии социалистов-революционеров.

БИЦЕНКО: Естествен вопрос: что же они, Козлов, Зубков, действительно такие слабые, поскользнувшиеся, как выражался Гоц обо всех боевиках, которые от них ушли. Ничего подобного. Они не верили, что, убивая Ленина, совершают святое дело во имя революции.

КРЫЛЕНКО: Здесь спрашивали Зубкова, как он, который не верил в это дело, потом пошел разведчиком в Петровский парк; спрашивали Усова, как он, который не нашел в себе силы стрелять в Ленина на митинге в Алексеевском народном доме, все-таки остался разведчиком... Эти люди глубоко в себе запрятали свои колебания, ибо авторитет партии и членов ЦК (эсеров.— Н. К.) для них стоял очень высоко; эти люди считали, что если ЦК принял решение, то все, что их мучит и постоянно тревожит, они должны подавить и затаить в себе. И это им ставилось в упрек! Ведь только встретив Козлова, выходившего после того, как он не смог выстрелить в Ленина, Зубков сказал ему: «Нет, хорошо это сделал». И — снова оба далеко затаили вглубь себя свои сомнения. Усов тоже не решался стрелять в Ленина. И их за это обвиняют те, кто их посылал на смерть. ...Можно ли дойти до большего цинизма и наглости, не знаю.

Но вернемся к делу. Мы установили, что Усов и Козлов не стреляли, что Зубков не хотел стрелять: они оба были убеждены, что выстрелить не могли, потому что у них рука на Владимира Ильича не поднялась. Так поступили рабочие. Так было до трагического дня 30 августа...

Николай КОСТИН.

Читательский запрос

Почему стал дефицитом обычный кирпич?

Один мой однополчанин решил помочь сыну, механизатору совхоза «Слава», построить кирпичный дом на месте старого, отцовского. Обратился в Ишлейское потребительское общество. Там говорят, что по согласованию с Чебоксарским райисполкомом дали разнарядку сельсоветам, где желающие и получают наряды на кирпич.

Пошел фронтовик в сельсовет. Дорогой, говорят ему там, что мы можем вам дать, если получаем в месяц тысячу-полторы штук? Сами подумайте: на дом его пускать или на новую печь...

Мы часто говорим: старожилы помнят. Да, жители Чувашии, что постарше, могут подтвердить, что в 50—60 годах покупали столь дефицитный ныне кирпич без всяких мытарств. И удивительно ли? Ведь его производство было и в системе местпрома, и в промкооперации. Свои заводы были даже в колхозах. Потом все ушло в систему промстройматериалов, где многие предприятия в связи с их нерентабельностью канули в вечность. И это в республике, отнюдь не бедной сырьевыми ресурсами.

Архитекторы говорят о том, что надо бороться с серостью, безликостью жилья. Все верно. Но о какой красоте речь, если строить-то практически не из чего. Проблема не только с кирпичом. Попробуйте раздобыть шифер, оконное стекло. Даже скудные фонды на цемент не отовариваются.

Еще в одиннадцатой пятилетке потребительской кооперации страны было дано указание — во всех районных центрах, на усадьбах крупных сельскохозяйственных предприятий построить магазины по торговле строительными материалами. Да, такие магазины уже построены, в их строительство вложены немалые средства. А магазины эти на сегодняшний день везде и всюду по существу у нас в республике пустуют.

В Чувашии идет газификация в сельской местности. Она требует пристраивать к домам различные пристройки. А где же взять материалы, в частности кирпич, цемент и другие?

В последнее время со стороны правительственных органов мы часто слышим, что вопросы, связанные с обеспечением населения,— будь то продовольственные, промышленные, другие товары,—надо решать на местах.

Возьмем соседнюю с Чувашией Горьковскую область. Там, на мой взгляд, торговля кирпичом для сельского населения организована более правильно. Приезжает человек на кирпичный завод, платит за товар и за доставку транспортом, оставляет свой адрес и уезжает. Ему скажут, в какой день придет автомашина. Вот это действительно настоящая забота о людях села.

В связи с этим возникает вопрос: предусмотрен ли в масштабе страны или Российской Федерации процент реализации населению кирпича, который производится на местном сырье? У нас в Чувашии от общего объема производства он не превышает пяти процентов. Но и это количество может оказаться меньшим, поскольку предусматривается увеличить поставки строительным организациям.

А. ИВАНОВ.

Чебоксары.

Пишет вам семья художника





Уважаемая редакция!

К вам обращается семья псковского художника Валентина Михайловича Васильева. В начале февраля этого года (9 февраля) художнику исполнилось бы 50 лет. Три года назад после долгой болезни он ушел из жизни, оставив после себя богатый мир своих гравюр. Наверное, некоторые из них еще помнят читатели «Советской России» — долгое время он был одним из активных авторов газеты. Возможно, вы захотите напечатать одну или две его гравюры. Почему мы решили предложить вниманию читателей именно эти работы?

Февраль в пушкинских местах — это зимняя тишина, снежная белынь и отпечаток вечной печали и грусти, связанных с годовщиной гибели поэта.

Но и зимнее Пушкиногорье на гравюрах Валентина Михайловича светло и серебристо, хотя любил он эти места в разное время года и посвятил им, как и своему родному городу, десятки работ.

Такой же светлой была любовь его к великому поэту земли русской. Этим чувством пронизаны эти работы В. М. Васильева из серии о пушкинских местах Псковщины — зимнее Михайловское...

Людмила Васильевна ВАСЮРИНА.



Обращаем внимание

Право без выбора

Много наслышан о необходимости скорее решать продовольственные проблемы. Вот и надумал податься ближе к земле.

Узнал, что в поселке Верхний Олонец гражданин М. Филиппов продает дом. Обговорили мы с ним условия, поехали в Коткозерский поселковый Совет, чтоб оформить сделку. Там потребовали собрать кое-какие справки. А когда мы их предоставили, нам вдруг заявляют: «Оформлять не будем!»

После сельсоветского отказа куда только я не обращался — в Прокуратуру КАССР и в Олонецкую прокуратуру, дважды в обком партии... Говорят, надо обратиться в суд. В суде потребовали письменный отказ сельсовета (постановление). Предоставили и его. Казалось бы — все! Нет. Суд требует справку из леспромхоза о земельном участке, которую администрация не дает.

В официальном ответе из прокуратуры Олонца сказано, что отказ в сделке о купле-продаже является правом, а не обязанностью Совета.

В конце концов могу и отступиться от своей идеи, сидеть, как и прежде, на шее у государства, не беспокоясь о том, прирастет что-то на при-

«Такой разлад в душе» — 30.08.89.

Эмоциональную и противоречивую почту получила редакция в ответ на материал о делегате XXVII съезда партии Н. Г. Смолевой, сдавшей партийный билет.

Что ни конверт — то судьба. Нередко — трудная, ломаная. Сначала удивило, что первыми откликнулись фронтовики. А объяснение простое: эти люди умеют смотреть в глаза и смерти, и правде. Что увиделось — о том и пишут.

«Моего отца, коммуниста с 1919 года, летом 1937 года исключили из партии «за связь с врагами народа». От переживаний он за одну неделю похудел на 16 килограммов и изошел чирьями. Из-за отца (кстати, реабилитированного в 1959 году) мне на фронте отказали в приеме в партию, хотя у меня уже было три боевых ордена: принадлежность к партии ценилась выше орденов.

Надо ли расстраиваться по поводу участившейся сдачи партбилетов? Ситуация тревожная, и все же: уйдут случайные попутчики, придут соратники. Будь мне поменьше лет, вступил бы в партию без колебаний. Без нее перестройку не осилить. Б. ЛИТВАК, г. Лабинск Краснодарского края».

«Не надо убаюкиваться тем, что в партствия. Фига в кармане — вот что это такое.

Просили читатели поделиться и последними новостями из Усинска. Они, в частности, таковы. Н. Г. Смолева своего решения не изменила. Отток коммунистов из городской партийной организации продолжается: за год сдано более 150 партбилетов. Состоялся пленум, который отклонил платформу горкома по обновлению партийно-политической работы и вернул ее на доработку в «первички». В горкоме произошла смена второго секретаря.

Насколько связаны меж собой все эти события? Думается, теснейшим образом. Во-первых, они характеризуют еще не преодоленную городской парторганизацией растерянность перед напором порожденных перестройкой проблем. Во-вторых, свидетельствуют о непростых, подчас мучительных поисках стиля, методов, направлений партийной работы. В-третьих, поиск этот нередко идет постфактум, когда критическая масса со**ка: надо четко представлять, на кого** можно опереться, кому помочь, за кого бороться.

Логично? Несомненно. Но не логично, что в горкоме об этой экспедиционной самодеятельности не знают. Впрочем, не в конкретном примере суть. Она — в близости к людям. Только так можно овладеть ситуацией, не растерять тех, у кого палуба корабля перестройки уходит из-под ног.

Поплыла она в свое время и у главного экономиста трубной базы Ю. Деденко. В самое перестроечное время обвинили его в умышленном подрыве морально-психологического климата в коллективе, в клевете, в посягательстве на авторитет партийной организации и ее секретаря. В «приговоре» значилось: исключить из партии и рассмотреть целесообразность использования как руководителя экономической службы. Подтекст этих грозных формулировок — не поднимай волну. И только парткомиссия горкома развернула дело на сто восемьдесят градусов. За ушко на солнышко вытащили тех, кто пьянствовал в кабинетах, покрывал прогульщиков, преследовал коммунистов за критику.

— В отношении меня, так сказать, момент истины установлен,— комментирует исход событий Юрий Николаевич.— Но вон сколько нас, правдоискателей, вокруг: неудобных и конфликтных, строптивых и разочаровавшихся. Поймем каждого и вовремя — получим процесс постижения истины. И тогда ошельмовать человека будет просто невозможно. А почувствует он поддержку — никогда партбилет не

Позднее зажигание совести

сделке о купле-продаже является правом, а не обязанностью Совета.

В конце концов могу и отступиться от своей идеи, сидеть, как и прежде, на шее у государства, не беспокоясь о том, прирастет что-то на прилавках или нет. Но вот конкретный ответ хотелось бы мне получить на вопрос: имеет гражданин Филиппов право продать дом, принадлежащий ему на правах собственности, кому он хочет, или это ему не дано?

В. ПАВЛОВ.

Петрозаводск.

Ветераны устали ждать

Свердловский психоневрологический госпиталь для инвалидов Отечественной войны был открыт в феврале 1946 года в здании средней школы на улице 9-го января, где тогда помещалось 150 человек. Но росло число инвалидов, а разместить их не было места.

Был поставлен вопрос о строительстве нового госпиталя в загородной зоне на средства трудящихся, заработанные на коммунистических субботниках, на улице земляка — Ивана Васильевича Соболева, кавалера орденов Славы 3 степеней. Госпиталь строился восемь лет и был открыт в апреле 1983 года. Рассчитан он на 240 человек, а проходят лечение и ныне находятся 528 человек.

На вторую очередь госпиталя отведено 38 месяцев. Ведется закладка фундамента. Но строители очень медленно разворачиваются, а УКС облисполкома вместе с генеральным подрядчиком решительных мер не принимает.

Пишу от имени инвалидов войны, труда и воинов-интернационалистов в надежде, что обком и горком КПСС не останутся в стороне.

В. ГОРОШКИН.

Казань.

«Мне такие не нужны»

Моему сыну Юрию в феврале исполнится 18 лет. Он окончил среднюю школу, а с 1 сентября по 8 декабря прошлого года обучался в Егорьевском среднем профтехучилище № 96.

Поехали мы с Юрой в Наро-Фоминск подыскать место работы. В АТП (грузовое) встретили начальника мастерских. Сказали, что сын хочет поработать автослесарем, да еще то, что у него есть права. «Нет у меня места»,— отрезал начальник.

В Наро-Фоминском ПАТП (пассажирском) в отделе кадров отказали: мол, таких водителей им не надо, а вот места автослесарей есть. Но так как Юре нет восемнадцати, то надо разрешение райисполкома.

Пошли, взяли, вернулись. Теперь, говорят, найдите Михайлова Сергея, начальника слесарей, и с ним все обговорите. Нашли Михайлова. А тот: «Мне такие не нужны».

Что дальше делать молодым в таких ситуациях — идти в подворотни, подвалы?..

В. ФАЛЬКО.

Наро-Фоминск,
Московская область.

зажигание совести

тин, дескать, идет процесс самоочищения. Бюрократ и карьерист никогда партбилеты добровольно не сдадут, они пристроятся к любой перестройке. Я стал коммунистом на фронте в 1944 году, но в 1989 году партбилет сдал. Считаю, что партия слишком оторвалась от народа. М. РАЧКОВ, г. Сызрань Куйбышевской области».

...Письма-исповеди, письма-сомнения, то краткие, объемом с телеграмму, то многостраничные трактаты, потребовавшие длительных размышлений. Я намеренно не комментирую процитированные строки, они вряд ли нуждаются в дополнительном толковании, хотя к бесспорным все их тоже не отнесешь. Не привожу и содержание ряда конвертов, из которых явственно слышится лязг затворов, свисают змеиные хвосты удавок, припасенных на коммунистов... Мы еще не раз преклоним колени пред памятью тех, кто не убоялся паровозной топки, сталинской проволоки, фашистской виселицы, верил коммунизму, кто не менял своих убеждений ни на золото, ни на подданство, ни на мыло и колбасу. И все же по двум соображениям считаю нужным высказаться.

«Почему автор не разоблачил, не назвал поименно тех, кто довел делегата партийного съезда до политического самоубийства?»

Не случалось ли моим корреспондентам по осени мерзнуть возле картофельного бурта? Кого виноватить в том, что семя взялось гнилью? Столоначальника от агропрома, спустившего хозяйству нереальную цифру? Агронома, нарушившего агротехнику? Механизатора, работавшего через пень-колоду? Машиностроителя, выпускающего технику, которая только гробит картошку? До сих пор не можем толком разобраться в элементарных вопросах с картошкой.

А тут встал вопрос о партии!.. Имен всяких названо много. И не названо — легион. В том числе и наши с вами, дорогие мои читатели и корреспонденты. И с партбилетами, и без. Это ведь и мы с вами созидаем и рушим, экономим и крадем, клянемся в верности и отступаемся от клятв. Нет среди нас ангелов... Разумеется, заманчиво приписать себе одни добродетели, а все грехи возложить на партию. Да вот незадача: ни села, ни города из одних крайних хат не бывает.

А после встреч с бывшими партийцами вот еще какое впечатление сложилось. Будто сошлись взрослые дети у изголовья занедужившей матери и не о том заспорили, кому быть донором, кому сиделкой. Обиды вспомнили, на долги осерчали, родства устыдились... По-людски ли такое? Может, и «хромает» аналогия, так разве в том лишь, что родителей мы не выбираем, а в партию вступаем добровольно. По родству убеждений. По нравственной необходимости. Готовые разделить и доверие, и ответственность. Так по крайней мере писали в заявлениях. Так давайте и теперь, не возводя огульной напраслины ни на партию, ни на себя, разберемся, кому и по каким счетам платить. Но ведь зачастую не хотим откровенности. Десятки заявлений о выходе из партии довелось прочитать, и едва ли не в каждом под копирку: прошу рассмотреть без моего присут-

бытий уже достаточна для самопроизвольной цепной реакции.

Вот и пленум, по мнению многих коммунистов, не получился. Был он словно лодка, которая, отчалив от одного берега, крутясь на месте и черпая бортами, к другому берегу так и не пристала. Гребцы не справились с течением? Штурман не выверил курс? Непроходимыми показались пороги? Может, и так. Как, например, воспринимать сегодня заявление секретаря парткома объединения «Коминефтьпроектстрой» В. Юнака о том, что он сам приложит руку к тому, чтобы неустойчивые коммунисты вышли из партии? Хватит, сказал, дискредитировать ее пассивностью, шантажировать готовностью выложить партбилет.

А что ответить отчаявшемуся парторгу железнодорожной станции А. Носенко, призвавшему поставить аппаратчиков горкома на партучет в «первичках» трудовых коллективов и избрать их там секретарями партийных организаций? Сумеют ли профессионалы вдохнуть жизнь в партийную работу, которая дает ныне осечку за осечкой?

Страсти, сдерживаемые на пленуме, выплеснулись на второй день, когда в зале заседаний собрались сотрудники аппарата горкома, секретари парткомов, представители Сыктывкарского Коми обкома партии. Почему не срабатывает обратная связь между «первичками» и руководящими органами партии? Каким образом мнение рядового коммуниста может повлиять на решение ЦК? Где границы полномочий партии? Как быть, если здравый смысл формулировки «решается на месте» противоречит еще не отмененным инструкциям, которым обязаны подчиняться коммунисты?

Разожгли друг друга откровенностью, выговорились о том, о чем умолчали вчера (словно повредил бы пленуму такой вот от сердца идущий уровень искренности), создали инициативную группу, которая то ли резолюцией, то ли письмом донесет «крик души» усинских коммунистов до ЦК КПСС.

Условились, что это будут не мечтания типа «наверху разберутся». Когда, как не сейчас, в ходе подготовки к очередному партийному съезду, задаваться вопросами, спорить, анализировать, извлекать уроки из непростой ситуации, в которой оказалась КПСС?

И все же прозвучал ведь на пленуме голос экскаваторщика В. Попова:

— Платформа появляется за платформой. Выгружать-то кто будет?

Каким образом переводить партийную работу в плоскость практических дел — вот камень преткновения, о который чаще всего спотыкаются сегодня партийцы. Коммунисты четвертой экспедиции глубокого эксплуатационного бурения, например, решили так провести с каждым членом коллектива собеседование о роли партии в жизни общества и проштудировать положение о переходе экспедиции на аренду. Пришли к выводу, что нужно знать весь спектр мнений, чтобы политическую тактику постоянно сопрягать с экономической политикой, и не упустить в этой работе из поля зрения ни одного челове-

искателей, вокруг неудобных и конфликтных, строптивых и разочаровавшихся. Поймем каждого и вовремя — получим процесс постижения истины. И тогда ошельмовать человека будет просто невозможно. А почувствует он поддержку — никогда партбилет не выложит как последний аргумент.

Вот каких слов за три командировки в Усинск не услышал я в здешнем горкоме. Даже в представленной пленуму платформе — ни строчки о сложившейся ситуации, когда горком, точно на конвейере, штемпелюет сданные партбилеты. Идет сброс балласта? Всего три цифры из статистики вынуждают усомниться в этом: свыше 80 процентов бывших партийцев — рабочие. Партийный стаж каждого четвертого — более 20 лет. Вот и взывает уже который раз со страниц местной «районки» рабочий Ю. Титов, сдавший по горячке партбилет, а теперь спохватившийся: остановите конвейер! Бюрократический аппарат на местах, на предприятиях — а в его среде немало членов партии — ведет закулисную борьбу за право выжить в перестроечных условиях, сохранить имеющуюся власть... Не здесь ли причина, когда истинные партийцы, порой с большим трудовым стажем, возвращают свои партбилеты? Кто-то надломился духовно и просто не желает с такими вот «честными» партийцами идти в одной упряжке. Так и я оказался вне рядов партии.

— Будем разбираться,— сказал, глянув на газетную страницу, первый секретарь Усинского горкома партии А. Рогов.— Пройдем по всей цепочке обстоятельств.

Право слово, позднее «зажигание». И все же никуда нам от этого не деться. Во все времена к истине стремится человеческая душа. Убежден, что должны работать при партийных штабах и юрист, и психолог, и социолог, и педагог. Нужна своеобразная психологическая служба помощи тем, кто чувствует себя в партии заблудившимся и одиноким. Надо, чтобы поиск истины шел на высшем уровне компетентности и чтобы не минул он ни рабочего, ни технолога, ни администратора. Пробьемся к душам — тогда и выстоим. Значит, и в Усинске надо концентрировать на этом усилия создающихся социологических служб, и городской совет по изучению общественного мнения и гласности должен четче определить приоритеты своих исследований, смелее выносить их результаты на страницы своего печатного органа.

Понимаю, что не удовлетворил я читателей, ждавших разоблачений, этим рассказом. И тем не потрафил, кто рассчитывал на быструю перестройку усинских коммунистов. Так ведь они сами, как и мы с вами, тяготятся тем, что вопросов без ответов в нашей нынешней жизни — словно тех неразгруженных платформ. Работы столько, что и глаза боятся, и руки не делают. И сумятица в душе, и необдуманные поступки, и прозрение.

«Я думал, что своим глупым решением — парторг сдает партбилет! — наделаю шуму. А нигде ничего и не колыхнулось. Дескать, капитулировал — ну и слава богу,— пишет М. СОЛОВЬЕВА из г. Шахты Ростовской области.— У меня было время подумать о своей ошибке. Прозрение обожгло тревогой: без КПСС наше государство просто не сможет существовать. На фронте солдатам давали возможность кровью искупить свою вину перед Родиной. Уверен, что и партия должна предусмотреть возможность возвращения в ее ряды тех, кто осознал свои ошибки и готов их исправить».

Наверное, и в этой мысли есть резон. Пора разгружать платформы — тут ни одна пара рук лишней не будет. Грузы-то все срочные...

Ю. БЕЛЯЕВ.
(Наш соб. корр.).

Коми АССР.



Позвольте возразить

Нельзя перелицовывать историю

Справедливо писал один из авторов, что в своей самокритике мы иногда доходим до самобичевания. Да, было у нас немало плохого, но и про хорошее забывать негоже: 70 с лишним лет народ был занят тем, что строил и защищал свою страну. Это и Днепрострой, и Магнитка, это и освоение целины, это и БАМ в конце концов. Это и великий, небывалый в истории человечества подвиг народа в Отечественную войну. Как же можно забыть про все это?

Убеждаешься в том, что где бы ни появилась порочащая наше прошлое тема, даже одно лишь предположение — оно обязательно будет использовано. Кто-то сказал, что БАМ — ошибка, и это пошло гулять по газетам и даже по эстрадам. Не будет большим преувеличением сказать, что сейчас не обязательно слушать разные «голоса»: собственной информации предостаточно.

Результаты такого «антивоспитания» я ощутил недавно. В минувшую годовщину Октября на пять-шесть своих поздравительных открыток впервые за мои 57 лет я в ответ не получил ни одной... Также впервые на этот праздник в дачном поселке Хлебниково, где многие живут постоянно, было вывешено только два флага.

Я уже не говорю о боевитости, наступательности нашей прессы в деле идейного воспитания. В итоге — нередко верховодят всевозможные экстремисты, в итоге бесконечно мусолятся довоенные промахи во внешней политике и используются для разжигания розни между нашими народами.

И в нашей истории, и в нашей сегодняшней действительности есть не только плохое. Закрывать глаза на хорошее — безнравственно.

А. БАРКАНОВ,
доктор медицинских наук.

Люберцы,
Московская область.

Как Мамай прошел

«Мамайка». Не правда ли, экзотическое название? Что-то вроде Ямайки или Ямала. Так назвали этот микрорайон города Сочи. В официальных документах он значится как часть бальнеологической зоны знаменитого курорта.

В микрорайоне 1426 детей, из них 879 — школьники. Но нет ни детских и спортивных площадок, ни кинотеатра, ни поликлиники. Нет и многого другого. Трудно поверить, но в этом микрорайоне нет и школы.

В 1986 году вроде бы лед тронулся: отвели земельный участок, вышло решение горисполкома о проектировании и строительстве школы. Вышло решение Сочинского горисполкома, которым управлению капитального строительства было поручено в срок до 1991 года запроектировать и построить в микрорайоне «Мамайка» среднюю школу на 1266 мест. Для того чтобы она приняла детей в назначенное время, строительство должно начаться в первом квартале этого года. В последнее время заговорили о том, что строительство школы совсем не включать в план 1990 года! Такой подход предопределяет срыв намеченного.

В школах №№ 4, 12, 10, 23, где обучается основная масса детей из «Мамайки», уже сегодня наблюдается перегруженность. Расчеты показывают, что в 1991 году в ряде школ придется открыть третью смену.

Трудно понять, почему УКС горисполкома и управление народного образования в будущем году сосредоточивают капиталовложения на строительство нового корпуса школы № 18 в Кудепсте и пристройки к школе № 24. На каждом из этих объектов предусмотрено освоить в 1990 году более полутора миллионов рублей, что строители реально выполнить не смогут, и опять будут корректироваться планы. Оба этих объекта строятся с целью улучшения материальной базы существующих школ, что даст возможность вывести учащихся в одну смену. Где логика? Одни школы будут работать в одну смену, другие в три, а 900 учащихся еще долгие годы будут часами добираться в школу.

В. РОЩИН,
член Сочинского городского общественно-государственного совета по просвещению.